

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 31 (2294).

Суббота, 27 июля 1946 г.

Цена 45 коп.

1 стр. Советские писатели — Бернарду Шоу.
Г. Блок. Воспоминания об Александре Блоке. Блоковский том «Литературного наследства». Информация.
2 стр. Александр Анкист. Бернард Шоу (к 90-летию со дня рождения). С. Шервинский. Родник поэзии.
Ник. Москвин. Жизнь и схема. Ф. Левин. Без скидок («Литературный Воронеж» № 1 за 1946 г.).
3 стр. Н. Калитин. Борьба за человека. Бор. Соколов. Повесть о легендарном корабле. А. Шугаев.

Рассказ о морском джигите. А. Котов. Книга о В. Г. Короленко. В. Александров. «Дом у дороги».
4 стр. М. Бударин. Литература народов Севера.
С. Иванов, К. Каррук. Тарханы сегодня. Ю. Лебединский. Бекмурза Пачев. М. Мендельсон. От «Тайпи» до Бикини. Информация. Научные труды Кара-Калпакского института. «Понедельники» новосибирских писателей. Новые книги.

В клубе и секциях Союза писателей

Чем должен быть клуб для писателя? Центром литературных споров, местом встреч с деятелями других областей культуры, трибуной, с которой можно прочесть новое произведение. В клубе писатель вправе не только расширять свой кругозор и регулярно знакомиться со всем новым, что появляется в науке и в жизни. Любые, обзоры отдельных отраслей науки, консультации в помощь изучающим историю ВКП(б), философию марксизма-ленинизма, встречи с «бывалыми людьми» всегда привлекали внимание писателей. Клуб, естественно, должен служить и местом отдыха.

Все это значительно лучше организовано в других домах и клубах художественной интеллигенции — в Центральном доме работников искусств, в Доме архитектора и др. — чем у писателей.

Если интересоваться только отчетными данными, то работа Московского клуба писателей как-будто достаточно разнообразна. С ноября по июль в клубе были устроены 85 творческих собраний и вечеров, 40 вечеров, посвященных дискуссиям и докладам на литературные темы, свыше 30 вечеров, связанных с различными общественно-политическими и литературными датами, встречи писателей с представителями науки, смежных искусств, мастерами спорта, а также еженедельные секционные вечера.

Но по сути основные круги наших писателей далеки от своего клуба, редко бывают в нем и предпочитают посещать Дома актера и кино. Работа клуба лишена гибкости, изобретательности, она трафаретна до предела.

Работа клуба может интересовать широкие круги литераторов только тогда, когда в центре клубной деятельности будут главные, основные явления литературной жизни. Московский клуб охотно занимался частными вопросами, историческими и фольклорными темами, но как мало в клубе настоящих творческих споров, дискуссий по актуальным вопросам современной литературы. К тому же диспуты, состоявшиеся в клубе, страдали неорганизованностью, неподготовленностью и потому не давали легких итогов.

Совет клуба не был активным, изобретательным. Как бы ни была хороша амбициозная работа, она не может заменить полноты идей. Только сами писатели могут с необходимой широтой наметить план работы своего клуба и с должным размахом его осуществлять.

Администрация клуба писателей не всегда учитывала ценный опыт других клубов художественной интеллигенции. В ленинградском клубе писателей имели Московского с большим успехом проходили местные обзоры и обсуждения новых номеров журналов. Несомненно, что это важное дело вызвало бы не меньший интерес и в Москве. Обсуждение новых спектаклей и фильмов интересует не только одних драматургов и критиков, однако они происходят, как правило, в других клубах.

Почти каждую декаду в клубе собирались творческие секции Союза писателей. Но и в их деятельности не было того оживления, той идейной атмосферы, которые только и могли по-настоящему обогатить участников собраний. О неудовлетворительной работе секции драматургов «Литературная газета» уже писала. Секция поэтов не сумела провести за истекший год ни одной широкой творческой дискуссии. Отвлеченным характером отличались некоторые дискуссии исторической секции, кетати очень узкой по своему составу. Секция рассказов была особенно непопулярной среди писателей; обсуждение новиков проходило здесь без настоящей товарищеской критики, все и вся расхваливалось, хотя известно, что жанр рассказа требует сейчас особенно пристального внимания.

Почти незаметно было участие критиков в работе секций. Совместные широкие заседания секций почти не проводились.

Клуб писателей полностью отказался от всех видов эскуперной деятельности, не имеет сейчас никакого отношения к спорту. Весьма часто зал клуба пустует. Но когда назначен интересный вечер, зал оказывается битком набит посторонними людьми, а многие писатели вынуждены уйти. Это — свидетельство слабой организации дела, отсутствия должной культуры и уважения к посетителям.

В клубе должна быть та атмосфера радушия, домашности, какой славится Ленинградский дом кино и Московский дом архитектора. И концертанты, и авторы фильма хотели бы чувствовать себя не на очередном выступлении, а в гостях у писателя. Только тогда это интересно и хозяевам и гостям.

Второй год подряд клуб писателей закрывается на длительный летний перерыв. Прекращается всякая идейно-воспитательная деятельность, отсутствует возможность творческого, идейного общения писателей друг с другом.

Нет в клубе писателей актива, но существует чуждость. А между тем только на этих основаниях клубная работа станет интересной, разнообразной, отвечающей запросам писателей.

Для того, чтобы клуб писателей по-настоящему ожидал, нужно чтобы он строил свою работу не как учреждение, не «иронично мероприятия», а быстро и легко откликался на все запросы писателей. Это требует инициативы самих писателей, их живого и повседневно участия в работе своего клуба. Клуб писателей имеет все возможности для того, чтобы стать местом живых и подлинных творческих дискуссий, писательской взаимопомощи, организацией, идейно воспитывающей писателей.

Бернарду Шоу

Дорогой Бернард Шоу!

Примите сердечное поздравление и лучшие пожелания советских писателей ко дню Вашего 90-летия.

Мы приветствуем в Вашем лице великого писателя, внесшего ценный вклад в сокровищницу мировой литературы, резко бьющего зло и несправедливость, со страстным пылом отстаивающего принципы человеческого прогресса.

Ваши произведения хорошо известны советскому читателю. Ваши пьесы пользуются неизменной симпатией в самых широких кругах советских зрителей. Желаем Вам еще долгие годы радовать и изучать многочисленные почитатели во всем мире новыми блестящими творениями Вашего великого таланта.

Председатель Правления Союза Советских Писателей Николай ТИХОНОВ.

ПРЕБЫВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПАРИЖЕ

ПАРИЖ. 26 июля. (ТАСС). На вчерашнем, устроенном вечером обществом «Франция — Советский Союз» в зале Пелье, выступили советские писатели Илья Эренбург и Константин Симонов, чрезвычайно тепло встреченные парижской публикой. На вчерашнем приеме был открыт вступительным словом профессора Ланжевена, присутствовали председатель Совета министров

Бидо, заместитель председателя Совета Министров Морис Торез, посол СССР во Франции тов. Богомолов, Эдуард Эррио, Долорес Ибаррури и многочисленные представители французской интеллигенции.

Советских писателей приветствовал Бидо. Выступления И. Эренбурга и К. Симонова имели большой успех.

Писатели — в „Красном воине“

26 июля 1946 года исполнилось 25 лет существования красноармейской газеты Московского военного округа «Красный воин».

В работе «Красного воина» принимали участие А. Толстой, В. Маяковский, Д. Фурманов, Л. Бедный, Н. Асеев, Л. Соболев, К. Симонов, Л. Соловьев, С. Михалков, А. Твардовский, А. Жаров и многие другие. Л. Леонов начал работать в газете в 1921 году с первого номера в качестве ответственного секретаря редакции.

На страницах «Красного воина» систематически публикуются литературные произведения офицеров, солдат и красноармейцев.

В газете помещаются рецензии на новые книги советских писателей, обзоры литературно-художественных журналов, «Молодой гвардии» А. Фадеева, «Волоколам-

скому шоссе» А. Бека, «Чайке» Н. Бирюкова посвящаются полосу. Читателям было подробно рассказано о книге А. Степанова «Порт-Артур». В разделе «Заметки о прочитанном» публикуются рецензии самих читателей.

В годы Отечественной войны был создан отдел «В штаны» (фронтовой юмор), в котором участвовали: С. Михалков, Г. Рылин, С. Маршак, М. Слободской, И. Уткин, С. Швецов, В. Гранов, В. Поляков; красноармейские авторы старшина В. Фокин, старший сержант А. Анисимов, младший сержант С. Цурпов.

Отдел культуры с мая 1945 года проводит литературно-художественные «среды», на которых писатели, композиторы выступают со своими новыми произведениями.

„Массовая библиотека“ Гослитиздата

Гослитиздат приступил к выпуску массовой библиотеки русских классиков. Библиотека состоит из 60 книжек по полтора-два печатных листа и выходит тиражом 250 тысяч экземпляров.

К оформлению книг привлечены лучшие советские художники. Вышли в свет первые четыре выпуска: «Шинель» Гоголя в оформлении художника А. Ермакова, «Человек в футляре» и другие рассказы Чехова в оформлении художника В. Милашевского, «Сон Макара-

Короленко (художник Н. Мухин), «Бежин луг» и «Муму» Тургенева (художник Д. Митрохин).

В ближайшее время выйдут: «Полтава» и «Медный всадник» Пушкина (художник Н. Ильин); «Мцыри» и «Демон» Лермонтова (худ. Ф. Константинов); «Мороз красная нос» и «Русские женщины» Некрасова (худ. А. Пластов); «Певцы», «Живые мощи», «Лес и степь» Тургенева (худ. В. Бехтеев); «Левша» и «Тугейный» художника Лескова (худ. В. Ростовцев).

Плакат работы В. Храповицкого. Издательство «Искусство».

ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

День Военно-Морского Флота Союза советских писателей СССР отмечает циклом литературных вечеров.

22 июля на Зеленой эстраде Центрального парка культуры и отдыха с большой речью выступил Б. Вишневский. Доклад об образе героев-морских в художественной литературе сделал М. Чарный.

На вечере по Дворце культуры им. Горьбунова в Филах с речами и чтением своих произведений выступили С. Васильев, М. Слободской, В. Ласкин и др.

Вечер писателей с читателями, посвященный дню Военно-Морского Флота, состоялся в лектории Парка культуры и отдыха в Сокольниках, в читальном парке Краснопресненского района. В саду им. Баумана и в других местах. В литературных вечерах примут участие С. Алимов, Н. Панов, М. Чарный и др.

28 июля, в День Военно-Морского Флота Союза ССР, Московское городское лекционное бюро при Моссовете организует в Измайловском парке культуры и отдыха лекцию на тему «Военно-Морской Флот в художественной литературе» (лектор доцент Ф. Журко). На ту же тему состоится лекция в Парке культуры и отдыха им. Дзержинского в Останкино (лектор И. Варнина), в кинотеатрах «Ура» (лектор доцент Ф. Брескина) и «Наука и знание» (лектор Е. Смирнова-Чеккина).

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Ко Дню Военно-Морского Флота в ленинградском отделении издательства «Советский писатель» выходит роман А. Зонина «Морское братство» и книга морских повестей Ю. Германа «Студеное море». Слана в набор новая книга морских рассказов Г. Соколовой.

В Детонизате Грузии

Один миллион сто тысяч экземпляров книги издана в этом году «Детонизат» Министерства просвещения Грузинской ССР. 142 названия, 521 авторский лист — таков план издательства на 1946 год. Издательство в этом году подготовило 100 новых книг. Среди них: «В горах и долинах» (о природных богатствах Грузии), сборники стихов и рассказов Ш. Мивиди, В. Пашаева, А. Церетели, «Народные грузинские игры» проф. Р. Натадзе, серию «Книжки малышки» и др.

Выйдут на грузинском языке «Маскарад» и «Мцыри» Лермонтова, «Кавказский пленник» Л. Толстого, «Хлеб» А. Толстого, рассказы Н. Гоголя, А. Чехова, И. Тургенева, военные очерки Н. Тихонова, стихи К. Чуковского и С. Маршак.

Подготавливаются к печати произведения грузинских классиков и современных писателей — «Басни» Сухраба Орбелиани, «Летние рассказы» Е. Габашвили и А. Эриванского-Хонтира, сборники рассказов И. Чавчавадзе, А. Казбег, Д. Кляшвили, Н. Лордкипанидзе, Я. Гогобашивили и др. В плане 1946 года значительное место занимает иностранная литература: Дефо, Деде, Домо, Киплинг, Конопан-Дольф.

Готовятся к печати книги о жизни и деятельности русских и грузинских военачальников прошлого и настоящего и участии Великой Отечественной войны: «Адмирал Ушаков», «Генерал-полковник Леселадзе», «Генерал-полковник Чанбадзе», «Партизан Герой Советского Союза Баркзадзе».

«Грузия в героическом прошлом русской армии 1700—1916 гг.» — так называется альбом-книга художника В. Вадбольского, в котором воспроизведены портреты и краткие биографии грузин-воинов, служивших в русской армии на протяжении двух веков.

Книги о выдающихся деятелях науки и искусства выйдут массовым тиражом. Сборник «Жизнь грузинских исторических деятелей» расскажет детям о 22 выдающихся исторических деятелях Грузии.

Сборники воспоминаний участников Отечественной войны

Военная служба к составлению сборников воспоминаний участников Великой Отечественной войны — бойцов, сержантов, офицеров и генералов. Подготовлен к печати большой сборник под названием «Путь Берлина». Готовятся сборники о партизанах, о воинах, участвовавших в обороне Севастополя. Кроме того, намечен выпуск сборников воспоминаний военнослужащих по родам войск — «Пехотинцы», «Артиллеристы», «Танкисты», «Летчики» и др.

Скоро выйдут книги Героя Советского Союза полковника Е. Ушакова. Это — воспоминания о боях в годы Великой Отечественной войны штурмана авиации дальнего действия.

Библиотека красноармейца

В ближайшее время в серии «Библиотека красноармейца» выйдут книга очерков В. Гроссмана «Сталинградская битва», сборники рассказов Евг. Воробьева «Наследство», В. Коженикова «Это слышно всего», А. Кононова «Рассказы о Ленине», отрывок из романа Л. П. Толстого «Война и мир» — «Борисинский бой», сборник рассказов А. Н. Толстого «Русский характер», отрывки из книги П. Игнатьева «Занески партизаны» — «На Тамани», книга Д. Фурманова «Палач» (сокращенная), рассказы А. Куркина «Штабс-капитан Рыбников».

Г. БЛОК Воспоминания об Александре Блоке

Мемуарная литература о Блоке довольно обширна. Воспоминаниями о нем поделились в свое время и те, кого он признавал друзьями, и многие из тех, кого называл приятелями, и кое-кто из рядовых «собратьев по перу».

Почти все это было написано и написано вскоре после его смерти, чем определялись и достоинства и недостатки этих произведений. Достоинства сводились к смелости впечатлений, оградившей в какой-то мере от ошибок памяти. Недостатки заключались в чрезмерно пылом отношении авторов к тому, о ком и о чем они писали. Существенное зачастую заключалось мелочными злобами» сличком недавних дней. Достаточно показателен в этом смысле и памятник Андрея Белого, чьи мемуары, с литературной стороны первоклассные, известны нам в разных, исключающих друг друга редакциях.

Иначе звучат воспоминания о Блоке, написанные теперь. Из них составился целый сборник, выпущенный Гослитиздатом по случаю пятидесятилетия со дня кончины поэта. В нем много такого, что опровергивало бы или затмевало нашу уже вполне сложившуюся о нем картину. Но в целом классический и как человек (в широком и полном смысле) наши сведения о тех событиях, поэтической, семейной и личной жизни поэта, которые достойны быть предметом серьезного внимания, а не суетного любопытства.

Сборник открывают воспоминания о детстве и отрочестве «Саня Блок». Они написаны его двоюродными братьями Ф. А. и А. А. Кублицкими. В те годы они проводили, как и он, все летнее время в Шахматове и были неизменными участниками его игр и затей. Их откровенные и беспристрастные показания важны и в том отношении, что обогащают рядом острейших ироничных наблюдений о чрезвычайно своеобразном и мало еще изученном быте воспитанной Блока семьи Бекетовых.

«Блок в синем воротнике» — так озаглавил свои воспоминания П. Перлов. Коротко, но выразительно рассказывает он, каким был Блок-студент, как вел себя в редакции журнала «Новый путь», где только что дебютировал, и как относился к нему и к первым его стихам руководители этой редакции, старшие символисты.

Воспоминания Н. Чуковский, тоже немногословные, но по-женски простые и по-женски мягкие, охватывают длинную вереницу годов: с 1904 по 1920. Особенно занимательны здесь детали домашней обстановки, в первые годы — суровые, но в дальнейшем — теплые, уютные, некоторые эпизоды его городских и загородных скитаний и рассказ о встрече Бло-

ка с В. А. Шеголовой-Богуславской, адресатом «Трех посланий».

Виктор Стражев вспоминает о свиданиях с Блоком в 1906—1907 гг. В числе действующих лиц, вступающих в личное соприкосновение с Блоком, фигурируют Куркин и Бунин. Это помогает нам уловить хоть в какой-то степени не совсем еще ясное до сих пор отношение к Блоку этих двух видных представителей иного для поэта писательского лагеря. Ценным приложением к очерку В. Стражева является впервые публикуемое письмо Блока к автору воспоминаний от 14 сентября 1908 г.

Умелой рукой беллетриста написаны воспоминания Бориса Садовского. Рассказ о встречах с Блоком, происходивших на протяжении десяти лет (1906—1916), перемежается картинами семейной жизни Блока, самым критическим ее периодом. Автор ссылается на старые свои записки, приводит ряд ответственных высказываний Блока — литературных и философских.

Воспоминания Н. Н. Волоховой, героини «Земли в снегу», построены в виде скатологии, но несвоего комментария к стихотворениям посвященного ей цикла. Будущие исследователи оценят по достоинству этот надежный первоисточник. Он позволяет судить о том, как правда реальная переживалась под пером Блока (sub specie aeternitatis) — по его выражению — в правду поэтическую.

«Отрывочные записки, припоминания, раздумья» — таким подзаголовком снабдил Юрий Верхорский свой очерк о Блоке. Тут в числе прочих затронут мало разработанный пока вопрос об отношении Блока к новым течениям в музыке и живописи.

Довольно обширные, местами художественные и во всех своих частях содержательные воспоминания М. В. Бабенчикова. Он часто встречался с Блоком за кулисами петербургского театра (где работал жюри поэты) и позднее, в 1917 г., когда работал под руководством Блока в Челябинском следственном комиссариате. Беседы с Блоком, воспроизведенные по дневниковым запискам Бабенчикова, знакомят нас с некоторыми раздумьями поэта, итогами которых явились «Двенадцать» и «Скифы».

О заключительной стадии тех же раздумий поэта идет речь в воспоминаниях Сергея Анисимова, который — тоже со ссылкой на старую записку — подробно передает содержание своего многочасового разговора с Блоком, происходившего в январе 1918 г., по видимому, в те самые дни, когда Блок работал над «Двенадцать». Автор приводит текст характерной для той поры записки, которую Блок тогда же написал с его слов, уместив в ней, может быть, выдумки, сочувствие своей поэме.

М. Качалова говорит о публичных выступлениях Блока в 1919—20 гг. Ее рассказ о морском джигите. А. Котов. Книга о В. Г. Короленко. В. Александров. «Дом у дороги».

4 стр. М. Бударин. Литература народов Севера. С. Иванов, К. Каррук. Тарханы сегодня. Ю. Лебединский. Бекмурза Пачев. М. Мендельсон. От «Тайпи» до Бикини. Информация. Научные труды Кара-Калпакского института. «Понедельники» новосибирских писателей. Новые книги.

ПАМЯТИ ПОЭТА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Из произведения 25-летия со дня смерти Александра Александровича Блока в Ленинграде создан городской Блоковский комитет. В него вошли А. Ахматова, В. Орлов, В. Саянов, начальник Управления по делам искусств при Ленгослитиздате В. Загурский, Т. Карская (Горком ВКП(б)), Н. Холза (Ленинградский радиокомитет) и М. Шугаева (Ленинградская правда). Возглавляет комитет А. Прокофьев.

На заседании Блоковского комитета разработаны мероприятия по увековечению памяти великого русского поэта.

7 августа на литературных мостках Волкова кладбища, где похоронен Блок, состоится траурный митинг. Делегации литературных, театральные и научных организаций возложат венки на могилу Блока. На могиле устанавливается надгробный памятник.

Вечером в Большом драматическом театре, одним из основателей которого был Блок, состоится общегородское торжественное заседание памяти поэта.

Блоковский том „Литературного наследства“

Заканчивается подготовка к печати блоковского тома «Литературного наследства» (издание Института литературы Академии наук СССР, под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР П. И. Шкелеева-Полянского).

Являясь наиболее фундаментальным изданием из всех посвященных Блоку, эта книга кладет начало широкому научному изучению творчества крупнейшего русского поэта предтечьской эпохи.

Первый раздел тома содержит статьи, посвященные общим вопросам творчества поэта: В. Орлова — об основных проблемах историко-литературного изучения Блока, Г. Гукоского — о творческом методе Блока, И. Сергиевского — о Блоке и Горьком, Е. Мельниковой — о творческой истории «Лесни судьбы», В. Жирмунского — о фольклорных источниках драмы «Роза и Крест», Э. Гомберг — о Блоке и русской живописи и др.

В разделе «Разыскания в области биографии и творчества Блока» находим описание рукописного журнала «Вестник», «изданного» Блоком в единственном экземпляре в отроческие годы. В журнале «сотрудничали» родные братья и их друзья, но на три четверти журнал заполняли произведениями самого «издателя-редактора» Блока же был неизменным иллюстратором «Вестника»; многие из его рисунков и карикатур представляли большой интерес и будут воспроизведены в «Литературном наследстве».

В блоковском томе публикуются материалы, раскрывающие историю отношений Блока с Художественным театром, в связи с предположением постановки драмы «Роза и Крест». Среди них — воспоминания О. Габасовой, в которых рассказывается о том, как трактовал на основную идею своей драмы и образы отдельных ее персонажей и т. д. Автор воспоминаний приводит интересное письмо Блока, где он следующим образом характеризует героиню драмы — графиню Изопу: «Распалиться», придайте Изопе несколько «широконародных» черт; и все найдете тогда; найдете все испанские скачки из одного чужака в другое, все, что, в конце концов, психологически заполнить мудро и скучно. И выйдет — земная, страстная, смелая».

В этом же разделе помещены оговорки на новых материалах разыскания Н. Анухина — «Блок в работе над изданием стихотворений Антона Григорьевича и К. Григорьевича — «Переводы Блока» Авдеева Исаковича».

В статье И. Гриневича — «Работа Блока в Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса», на основании интересных новых документов блоковского архива, выясняется, сколь крупную роль играл Блок в первые годы после Октября в строительстве нового, советского театра.

вещное заседание памяти поэта. Вступительное слово сделает А. Прокофьев, доклад о жизни и творчестве Блока — В. Орлов; с воспоминаниями и стихами о Блоке выступят ленинградские поэты и писатели.

Накануне, 6 августа, заседание, посвященное Блоку, проведет Институт литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В здании института откроется выставка, на которой будут представлены хранившиеся в Пушкинском доме архив Блока, книги из его личной библиотеки и экспонаты, имеющие музейно-мемориальное значение.

Массовым тиражом будет издан портрет Блока. Новые бюсты поэта выполнены ленинградскими скульпторами.

Блоковский комитет обратил внимание на недопустимость задержки типографией «Печатный двор» выхода в свет нового, наиболее полного из существующих, однотомника сочинений Блока, издаваемого Гослитиздатом.

Статьи В. Орлова и И. Шнейдермана — «Работа Блока над «Рваным плащом» Семеновича» и «Блок — редактор переводов из Шекспира» — открывают совершенно неизвестную область творческой деятельности Блока в 1919—1920 гг. Из дошедших архивных материалов выясняется, что Блок, работая в Большом драматическом театре в качестве председателя режиссерского управления, не просто редактировал чужие переводы пьес, намеченных к постановке, но радикально перерабатывал их, вносил в текст много своего.

Кроме того, в этом печатуются другие неизданные материалы архива Блока, в том числе так называемая «Тетрадь 1898 — 1902 гг.», в которую он записывал стихотворные и драматические тексты, составленные его декламационный репертуар (как известно, в юности Блок увлекался декламацией и мечтал о карьере актера). Здесь же — разного рода заметки и выписки из книг и т. д. Значительный интерес представляют студенческие рефераты Блока об Анакреоне и Овидии (публикация К. Григорьевича) и заметное сочинение «Значение Вука Караджича в сербской литературе», поданное Блоком при окончании университетского курса (публикация И. Кошалева). Сочинение это, получившее высшую оценку испытательной комиссии, лишний раз свидетельствует о глубоких филологических познаниях Блока.

Среди новых материалов, публикуемых в томе, встречаются также документы студенческих лет Блока, неизвестные редакции его автобиографии, разного рода заметки и альбомные записки (среди них любопытная запись об известном портрете работы К. Сомова: «Портрет Сомова настолько не похож на меня, и я не хочу его подписывать»), черновые редакции последнего стихотворения Блока «Пушкинскому Лому» (публикация Л. Модзалевского) и заметку, в которой Блок пытался определить свое понимание образа Христа в пьесе «Двенадцать».

Первоклассное значение имеют публикуемые в томе богатые материалы из неизданного эпистолярного наследия Блока. Здесь — и вся его переписка с Валерием Брюсовым, изобильная данными, важными для истории русского символизма и литературных биографий обоих корреспондентов. Здесь и письма Блока к одному из ближайших его друзей — А. В. Гиппиусу, содержащие много нового и ценного о жизни и творчестве Блока. В одном из писем 1911 г. Блок сообщает о работе над поэмой «Возмездие», «...кому доплатил большую сумму, которую янал давно и с любовью люблю».

Символические стихи остаются до старости. Много в жизни всего — и хорошо жить, да. Эта тема воли к жизни, любви к ней в сочетании с темой будущего яркой и чистой проходит сквозь переписку Блока в зрелые его годы.

Двухтомник стихотворений А. Блока

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В большой серии «Библиотека поэта» (возобновленной изданием Ленинградским отделением издательства «Советский писатель») под редакцией В. Орлова выйдут двухтомное полное собрание стихотворений Александра Блока. Первый том закончен уже печатью и его предполагается выпустить в августе, второй том выйдет в сентябре—октябре.

В Литературном музее

В первых числах августа в Государственном литературном музее в Москве состоится расширенное научное заседание. С докладом о том, как Александр Блок работал над своими произведениями, выступит Г. Блок.

Издательство музея выпускает в серии «Литературные заметки» книгу В. Стражева «Александр Блок».

Многие письма Блока содержат интересные высказывания о прошлой и современной литературе и о собственных его произведениях. «Замечая», что цитирую все Шекспира, — пишет Блок Эллису в 1907 г. — Люблю его глубоко; и может быть, глубже всего — во всей мировой литературе — Макбета. Заслуживает внимания opinion Блока знаменитого стихотворного цикла «На поле Куликова». Посылая этот цикл редактору журнала «Аполлон», он писал в декабре 1908 г.: «Бог Вам любимым моим циклом, пожалуй, лучше, что я писал в этом цикле (из лирических стихов)».

Высокий интерес представляет письмо Блока к Л. И. Катунину от 19 апреля 1917 г., в котором он излагает свои впечатления от Петрограда после свержения самодержавия: «Жизнь кругом совершенно необычайная, трудная, грозная и блистательная... Я мог бы с уверенностью сказать, что может произойти (и произойдет) еще многое, но все не страшно, а это еще странно» как-то осмысливает пестроту событий, идет красной нитью сквозит всю кажущуюся их несвязность (м. пр. об этом еще странно теперь думать и Горький!). В то же публикуются обширные подборки писем Блока к Л. Я. Гувенин, С. А. Венгерову, А. А. Измайлову, Л. В. Филозову, в редакцию журнала «Аполлон» и отдельные письма ко многим лицам из дружеского и литературного окружения поэта.

Особый раздел тома занят неизданными воспоминаниями о Блоке. Из материалов этого рода в первую очередь следует назвать «Театральные воспоминания об Александре Блоке» В. П. Веригина (в прошлом — артиста театра Комиссаржевской), ярко рисующие образ Блока в эпоху создания «Балаганчика» и «Снежной маски». Значительный биографический интерес представляют публикации выдержек из дневников тетки Блока — М. А. Букетовой и одного из ближайших его друзей — Е. П. Иванова.

Блоковский том «Литературного наследства» включает также ценные для исследователей обзоры «Архив Блока» (автор обзора — Г. П. Блок) и «Библиоте

Признанный классик английской и мировой литературы, Шоу и после 70 лет плодотворной деятельности не хочет успокаиваться, и каждое его новое выступление — это сверкающий каскад остроты мыслей, едких замечаний и остроумных пародий. Свежесть и острота мысли 90-летнего Шоу поразительны. В то время как некоторые из современных молодых писателей Англии так старательно стремятся превратиться в стариков, живущих тем, что отшло в небытие, Шоу не отстает от жизни. Он попрежнему в самой тисе борьбы. Живя в своем имении в деревне Эйот Сент Лоуренс, на юге Англии, он все время следит за событиями и откликается на них с не меньшей остротой, чем некогда Вольтер из своего фернейского замка или Тостой из Ясной Поляны.

Остатки самопокоенности, горячий интерес к современной жизни, нежелание идти к прозакам и жеманности, о трагических детствах в то время, когда мир взволнован большими вопросами, имеющими решающее значение для судьбы всего человечества, — все это очень отличает Шоу от некоторых «молодых» в современной английской литературе, которые отделились, не успев расцвести. Искусство Шоу всегда было связано с самыми большими вопросами общественной жизни. Недаром он в начале своей деятельности заявил: «Для чистого искусства я бы не написал ни строочки. Не мнимый «чистота» искусства интересовала Шоу, а ошущение человеческой жизни от социальных зол и пороков. Недаром он заявил одному репортеру, что его целью является содействовать тому, чтобы нормальный и приличный человек мог вести нормальную и приличную жизнь, не опасаясь мелких невзгод и больших несчастий, которые ожидают его на каждом углу».

Еще в молодости Шоу пришел к выводу, что главным препятствием для нормальной и приличной жизни является капиталистический строй. В начале 80-х годов прошлого столетия Шоу стал на позиции социализма и с тех пор неустанно выступает с критикой самых различных сторон буржуазного общества.

«Же в шкеле своих «неприятных пьес» («Волокиты», «Трушобои», «Профессия г-жи Уоррен»), созданных в 80—90-е годы прошлого века, Шоу со всей прусицей ему силой обрушился на пороки буржуазного общества. С большим остроумием разоблачил он лицемерие буржуазии и беспощадно обнажил ее бесчеловечность. Эта критическая струя в его творчестве не иссякала на протяжении всей его деятельности. В знаменательные 1904—1905 гг. он выступил с пьесой «Дружок острого языка» и «Май Вальд», в высшей степени критичные к тем даже превосходят ранние «неприятные пьесы».

После первой мировой войны Шоу создал такие значительные образцы антикапиталистической литературы, как пьеса «1917, год разбивания сердца» (написана в 1917, поставлена в 1921 г.) и «Тележка с яблоками» (1930). По сведениям иностранной прессы, Шоу в настоящее время работает над новой пьесой. «Это комедия на злобу дня», — заявила писательница одному американскому журналисту, — нечто напоминающее «Тележку с яблоками».

Объектом критики Шоу является не буржуазия вообще, а в первую очередь буржуазия английская. Очень остроу характеристику национальных особенностей английской буржуазии Шоу дал в своей пьесе «Человек судьбы», написанной полвека тому назад. Но от этого не утратившей своего интереса. В этой пьесе Шоу вкладывает в уста Наполеона следующие рассуждения: «Когда англичанин желает чего-нибудь, он никогда не говорит, что он этого желает. Он терпеливо ждет, пока в его уме, неизвестно каким образом, не составится пламенное убеждение, что его нравственный и религиозный долг заключается в том, чтобы покорить себе тех, кто владеет желанным для него предметом. И тогда он ставится перед нами. И всегда на все уго него наиболее эффективная поза нравственного человека. В качестве великого борца за свободу и национальную независимость завоевывает он и присоединяет к своей стране полмира и называет это колонизацией. Нужен ему, например, новый рынок для залежавшихся манчестерских товаров, сейчас же он убивает миссионера и затем прибегает к оружию на защиту христианства, сражается за христианство; делает завоевания ради христианства и, как воздаяние с неба, захватывает себе рынок... Он гордится тем, что раб становится свободным, что раба ступит ногою на почву Британии, а сам продаст детей своих бедняков, заставляя их под угрозою телесного наказания работать с шестилетнего возраста на фабриках по шестнадцать часов в сутки. Сам совершает у себя две революции, а затем объявляет войну нации во имя законности и порядка. Нет ни одной дурной и ни одной хорошей вещи, которую не продавали бы англичане; но никогда вы не найдете, чтобы англичанин был неправ. Он ничего не делает без причины. Сражается с вами из принципа патриотизма; грабит вас из принципа деловитости; поедерает вас из принципа мужественности; поддерживает свой собственный принцип лояльности; отрывает своему королю голову — это республиканский принцип».

К вопросу о парламентаризме Шоу возвращается и в пьесе «В золотые дни короля Карла», написанной в 1936 г. и в целом ряде публицистических выступлений. Критика английской парламентской системы была оценена английской буржуазной прессой как «крайнее антидемократическое выступление». На это сам писатель ответил разьявлением, что английский парламентаризм он критикует не за его демократизм, а за отсутствие в нем подлинного демократизма. В статье, опубликованной в январе 1945 г., Шоу отвечал своим критикам: «Июль демократии я подразумеваю социальный порядок, цель которого — достичь как можно большего благополучия для всего населения, а не для одного класса... Я усиленно подчеркиваю, что под правительством... я подразумеваю сборища в Вестминстере... Шоу идет дальше в своих утверждениях, заявляя, что «на Западе нет демократии; имеются лишь явные плутократии...»

У Шоу острая критика пороков капиталистического общества часто сочетается с приятиями человека, любящего поразить публику неожиданными парадоксами. Такой характер носит его последняя книга «Политический справочник для всех», опубликованная в 1944 г.

Наряду со страницами, вызывающими удивление даже у читателей, привыкших к мастерству Шоу, есть и страницы, заслуживающие особого внимания. Шоу говорит о СССР и в частности о решении земельного вопроса в нашей стране. С большой похвалой отзывается Шоу о колхозах. Он считает, что колхозы «дают миру такой об-

Критика социальный строй буржуазного общества, Шоу вместе с тем осуждает его политическую организацию. Постоянным объектом его нападок является английский парламентаризм. Его знаменитая пьеса «Тележка с яблоками» является очень едкой сатирой на парламентскую демократию. В этой пьесе Шоу изображает события, якобы происходившие в 1962 г. В состав правительства входят не только представители буржуазии, но и представитель от рабочих, некто Бонардже, который, желая подчеркнуть свое пролетарское происхождение, носит короворотку и не встает при появлении короля. Но этим и ограничивается его защита интересов пролетариата. В остальном он оказывается еще более консервативным, чем традиционные консерваторы. Характерно, что именно этот «рабочий» министр восклицает: «Демократия! Ла, мы знаем, чего стоит демократия. Нам нужен Сильный Человек». Так этот «представитель народа» оказывается в сущности противником демократии. Очень содержательным в этой пьесе является монолог женщины-министра Листериты, которая раскрывает механизм влияния монополистического капитала на жизнь государства. Шоу затрагивает также вопрос о взаимных отношениях Англии и Америки. К английскому королю является американский посланник, который сообщает, что США отказываются признать в Британскую империю в качестве доминиона. Как открыто признает посланник, это «соединение» имеет лишь одну цель — «равноправить Англию в державе более могущественной». Тот же посланник говорит, что англичане готовы следовать за американцем потому, что он платит за это.

К вопросу о парламентаризме Шоу возвращается и в пьесе «В золотые дни короля Карла», написанной в 1936 г. и в целом ряде публицистических выступлений. Критика английской парламентской системы была оценена английской буржуазной прессой как «крайнее антидемократическое выступление». На это сам писатель ответил разьявлением, что английский парламентаризм он критикует не за его демократизм, а за отсутствие в нем подлинного демократизма. В статье, опубликованной в январе 1945 г., Шоу отвечал своим критикам: «Июль демократии я подразумеваю социальный порядок, цель которого — достичь как можно большего благополучия для всего населения, а не для одного класса... Я усиленно подчеркиваю, что под правительством... я подразумеваю сборища в Вестминстере... Шоу идет дальше в своих утверждениях, заявляя, что «на Западе нет демократии; имеются лишь явные плутократии...»

У Шоу острая критика пороков капиталистического общества часто сочетается с приятиями человека, любящего поразить публику неожиданными парадоксами. Такой характер носит его последняя книга «Политический справочник для всех», опубликованная в 1944 г.

Наряду со страницами, вызывающими удивление даже у читателей, привыкших к мастерству Шоу, есть и страницы, заслуживающие особого внимания. Шоу говорит о СССР и в частности о решении земельного вопроса в нашей стране. С большой похвалой отзывается Шоу о колхозах. Он считает, что колхозы «дают миру такой об-

ективный урок, что ничем нельзя извинить упорство тех, кто предлагает сохранить сельское хозяйство в руках необразованных крестьян и дурно образованных сельских помещиков, конкурирующих друг с другом, вместо того, чтобы сотрудничать. Экономическое будущее принадлежит колхозам и городом-садам».

Характеризуя деятельность советского государства, Шоу пишет: «Первым государственным деятелем, который видел в электричестве нечто большее, чем просто чудо, был русский — Ленин. Он понял, что путь к революционизированию России заключается в электрификации, и по мере того, как она осуществлялась, русские цети и азиатские пустыни становились настоящими цивилизованными городами, не знающими трущоб».

Эти высказывания Шоу находятся в полном соответствии с тем, что он писал и говорил о нашей стране в первых дней революции. Еще когда наша молодая республика была окружена блокадой немцев и клевветы. Шоу поднял свой голос, чтобы выразить симпатии Советскому Союзу. На протяжении всех этих лет он оставался неизменно другом нашей страны. В 1931 г. он посетил Советский Союз и здесь отпраздновал свое 75-летие. Рассказывая о своих впечатлениях от поездки, Шоу говорил: «В СССР детям и взрослым жителям хорошо. Сталин очень приятный человек и действительно большой руководитель рабочего класса». В многочисленных статьях и выступлениях Шоу разоблачал в то же время буржуазную прессу по адресу Советского Союза. «Русское разрешение вопроса о демократии показывает, что Советская Россия обогнала капиталистический мир по крайней мере на столетие», — писал он в 1931 году. А в 1944 г. Шоу заявил: «В России цивилизация шагнула так далеко вперед, что изумленная Европа осталась далеко позади».

Социально-насыщенное, политическое-зодобное творчество Шоу принадлежит к высшим достижениям западной драматургии. Он пришел в литературу, когда английская драма переживала состояние упадка. Возрождение английской драмы, начавшееся с конца XIX в., было обусловлено в первую очередь тем, что писатели противопоставили сентиментальной и бездумной буржуазной драматургии глубоко содержательные произведения, касавшиеся самых острых жизненных вопросов. Сила Шоу отнюдь не в том, как он решает вопросы. Здесь с ним во многом нельзя согласиться, но сама постановка вопросов была у него всегда современной и отвечала действительному содержанию жизни.

Драматургия Шоу проблема. Шоу не из тех писателей, которых интересуют правдоподобие. Он всегда был противником натурализма. По своей художественной манере он является не столько продолжателем традиций XIX в., сколько продолжателем драматургии XIX в., в первую очередь Вольтера и Липро. Недаром Шоу часто называют «Вольтером XX века». Не забывая о психологическом правдоподобии ситуаций, он уделяет главное внимание раскрытию своей идеи. Каждая пьеса Шоу имеет своим героем не того или иного человека, не тот или иной характер, а определенную идею или круг проблем.

Сравнения с Вольтером Шоу заслуживает также и за свое остроумие и мастерство сатиры. Он бесспорно один из крупнейших сатириков в мировой литературе. Его блестящие пародии являются главным украшением его пьес. Причем парадокс не только форма изложения мысли у Шоу, но и основной принцип построения драматического действия. В его пьесах самый продолжительный человек всегда оказывается в ситуации, наибольшим негодием, и именно в силу своих добродетелей. Наоборот, тот, кто кажется порочным, на самом деле и воплотил в себе то, что Шоу считает подлинной нравственностью. Так построены многие пьесы Шоу, у которого обычно все бывает «наоборот». Это-то и придает замечательность изображаемому им ситуациям.

Шоу любит шутить. Он сам говорит о себе: «Мой способ шутить заключается в том, чтобы говорить правду».

Когда Шоу касается современной политической жизни, то его сарказмы становятся убийственными. Особенно не жалует он политиканов и дельцов, проводящих реакционные идеи и стремящихся разжечь новую войну. Будучи противником милитаризма на протяжении всей своей деятельности, Шоу отрицательно относится к тем, кто делает планы нападения на СССР. Так, война, по его мнению, была бы войной «государственного капитализма против демократического социализма». Шоу подчеркивает, что широкие массы трудящихся во всем мире являются друзьями Советского Союза и что они будут сознательными противниками любой войны.

Отмечая славный юбилей Бернарда Шоу, миллионы советских читателей, приветствуют в его лице одного из крупнейших представителей современной литературы, писателя-демократа, друга Советского Союза, талантливого художника-борца за дело прогресса культуры и цивилизации.

Иллюстрация Б. Винокурова к книге В. Катаева «Флаг» (Летпис).

С. ШЕРВИНСКИЙ РОДНИК ПОЭЗИИ

Когда я прочел «Родники» Ованеса Шираза, у меня было ощущение, словно губы коснулись свежей горной струи. Откуда же эта свежесть? Прежде всего, от самого Шираза. В Ширазе есть чуткость, которая позволяет поэту вступать в особые отношения со своим — вместе с тем и всеобщим — миром; есть у него и глубокая связь с родной землей, с народом; он естественно, непринужденно находит образы и слова.

Переводы Татьяны Спендиаровой — тоже одна из свежих струй, образованных «Родник». Книга создается органически. Спендиарова — сама армянка, — поэтому Шираза стала использовать переводы его стихов. Потом они работали вместе.

Едва ли не самое замечательное в поэзии Шираза — это ее глубоко народная основа.

— Я, подобно дубу, сердцем в землю врос, — говорит о себе поэт.

Когда враг попытается оторвать сердце поэта от его земли, это сердце, которое прежде смешилось, видя смерть цветка, теперь заплачет яркой ненавистью —

...Пусть врагом станет черный враг. Во имя жизни пролита Должна быть кровь. Да будет так.

Поэт уходит от своих родных гор на защиту советской родины. Со всем трагизмом возникает традиционный в армянской поэзии образ матери, тоскующей в ожидании сына. Одно из стихотворений говорит о матери, которую заставил убраться с земли пепел от костра, где был сожжен ее родной сын. Мать пролила слезы на пепел, — и она подняла сына и здоров. Другое стихотворение приводит на память народный рассказ о том, как хромой, задыхавшийся, спешил за топором, выступившей на защиту родной земли. Какой-то трус обратился к нему с вопросом, уж не охромел ли он ужом — как же он будет убегать от врага? —

«...Не обижать, — был ответ. — Это правильно, брат. — Личь с победой смогу Повернуть я назад!»

Тема любви в лирике Шираза ведет нас к народной армянской песне, к той же армянской земле:

Птички кризали отгадали, И в то время кто-то с петерком полетел пролететь, Все же току не пожелать. Если иной я — свежий ты? Или иной я — где же ты?

В ряде стихотворений Шираза говорит о своем широм, печальном детстве. Советская действительность помогла ему подняться до уровня одного из лучших поэтов современной Армении, а был он когда-то тем самым бедным и забытым мальчиком, о котором говорит в таких произведениях, как «Продавец воды» или «Твой отец носил золотой кушак»...

Ованес Шираз — продолжатель добрых традиций большой армянской лирики, неуклонно поддерживающий связь с народом поэзией. Близость некоторых его вещей к лирике Исаакяна едва ли можно считать случайностью, но оба эти источника — народная поэзия и столь к ней близкий Исаакян — могут только обогатить и облагородить.

Без усталости смотрел бы я На твои расцвет, страна моя. Хочу, чтоб выдал, как дым, Главы и в сумрак полочим. И день и ночь твоей тобою Я насыпашу и вост и стих, Моя отчина, мать ивост, Цветущий сад надежд моих!

Когда державши в руках книжку, удовлетворяющую поэтическим требованиям, не хочется говорить о ее мелких недостатках.

Ованес Шираз, «Родники». Стихи. Перев. с армянского Т. Спендиаровой. М. Гослитиздат. 1945.

Жизнь и схема

Ник. МОСКВИН

1. Некоторые начальники штабов любят работать только с иллюминированными картами. Это значило, что один из их помощников должен был взять цветные карандаши (их обычно бывало в коробочке шесть штук) и голубым цветом прочертить реки, коричневым — дороги, желтым — лески, зеленым — растительность и т. д. От этого карта не становилась картиной, пейзажем — чего и не требовалось, — но с ней работать было легче, удобнее и приятнее.

Нечего греха таить, но именно способ иллюминирования было за время войны написано немало рассказов. Брался, например, факт, события — икс-бонг совершил истребитель. Цветными карандашами выписывались фамилия, имя и отчество героя; синий лесок вдалеке, оранжевое солнышко; черной немецкий танк, ползущий из синего леса, и т. д. Да и цветные карандаши иной раз было не больше шести — металл был «смертоносный», вылился «юрки», обстановку — «сложная», пленные — «понуру брети по обочине» и т. п.

Так и хотелось спросить: почему автор назвал это рассказом? Ведь здесь нет ни человека, ни жизни и чувств его, нет темы, идеи вещи... Ничего нет, кроме бездумного и лесса пространного изложения события, которое взаимоотношения было бы прочтеть в четырех строках информации.

Но что было — то было. Тем более, что в то время печатались и настоящие рассказы. Но — вот 46 год. Улетит ли военная тема из рассказа? Конечно, нет, как она не улетит и из всей литературы. Но коробочку с цветными карандашами надо отложить. Читатель ждет от рассказа если не полноты жизни (что в рамках рассказа передать невозможно), то полнокровного изображения какого-то участка жизни. Война воздействовала на духовный мир, на чувства, на судьбу человека.

Внимания к духовному облику героя ожидает читатель от произведений на военную тему.

2. Эти мысли возникают, когда просматриваешь военные рассказы в двух последних альманахах: «Дон» и «Волга».

Вот рассказ А. Млодзинской «Роман Роговского» («Дон»). Рассказ можно было бы назвать двойко. Например: икс-шофер (Роман Роговский), заметив, что за их машиной гонится немецкий истребитель, сбивает своего полковника в укромном месте, а сам начинает маневрировать по полю боя. Истребитель настаивает шофера и убивает его.

Читатель вправе был бы ответить на такую задачу: «Слыть по горло». Но А. Млодзинская пошла по другому пути. Сложная развязка та же, которую мы привели. Но вместе с тем она и не та же! Почему? Да потому, что там погибал, хотя и великодушно, некий икс-шофер, некая схема благодарности, а в рассказе А. Млодзинской — живой человек. Роговский да автором в разных опосредствованиях: отношении его к работе, к товарищам, к женщинам, к командиру... Приведена его живая речь, поступки, любимые выражения: «жизнь — это сложная комбинация» и т. д. И вот поживи живой, адекватный уже нам Роман Роговский. Что-то шевельнулось у нас в душе... Это и есть прикосновение искусства.

Рассказ безупречен. Экспозиция его случайная, подробности о положении на фронте, о немецких разрушениях — излишни, лежат вне темы. Есть и штампы вроде: «сочетались стволами орудий и пулеметов» и др.

В том же альманахе «Замок Поннинг» — рассказ Вит. Закуркина. Его тоже с интересом примет читатель.

Автор рассказа и его шофер останавливаются на ночь в пустынном немецком замке Поннинг. Автор когда-то слышал о графе Эрнсте фон Поннинге, и теперь вспоминает, когда и где это было. Ночью в замке слышатся шаги и появляется большой раненый дог. И автор тут вдумывается строки из одного захваченного в 1942 году немецкого дневника... «Но если мы покинем бесконечную стра-

ну русских, если враг одолеет нас, клянутся умереть в замке Ш. все живое, вплоть до моего верного дога, и жить так, как умрели...»

Перед автором возникают памятные дни сорок второго года на Кавказе: граф Шоунинг, командир 69-го горно-стрелкового полка — жестокость его зверства над пленными в замке многократно. Граф на протяжении в своем дневнике: ему действительно пришлось покинуть бесконечную страну русских, ранить свою собаку, по-самому не умереть, а убежать за Одер.

В рассказе есть традиционные детали «замковой» литературы: таинственные ночные шаги, воображаемый разговор со старинными портретами (последнему автор придает излишне большую тематическую нагрузку) и т. д. Но внимание писателя к судьбе своего мрачного героя сообщает рассказу серьезность, значительность — перед нами происходит (по материалам найденных в замке) многократно история жестокого графа Шоунинга. Завершается круг не только личной судьбы Эрнста-Гуго Шоунинга, но и рода его и притиски с ним... В рассказе есть нечто новое, нечто от сегодняшней литературы о войне.

3. В альманахе «Волга» много рассказов, связанных с военным временем. Мы возьмем четыре, более других относящихся к войне, к столкновению с противником: «Война родины» Ян. Балашова, «Девочка» и «Илья Гушина» Гр. Ручинина.

Здесь — схемы, штампы, буафория и полная бездумность.

Мы уже приводили пример, как А. Млодзинская могла бы написать свой рассказ икс-шофер совершил истребитель. Но она этого, к счастью, не сделала. А вот В. Балашев именно так и поступил.

Семь комсомольцев-подпольщиков он отводит в начале рассказа буквами 9 (девять) строк индивидуальных (?) характеристик! Несколько эти характеристики враждебные, приведем последние две: «Не был похож друг на друга бойцы Алексея и Никитина. И все! Как точно подмечено: не похожи! Икс не похож на итрак. Тем методом можно ввести в рассказ не семь, а семсот индивидуальных характеристик. Стоит только их проумеровать и сказать, что они «не похожи друг на друга».

Дальше идет эпизод, о котором мы в военные годы не раз читали в газете: надо уничтожить мост, но провод поврвал, времени на исправление нет. Подпольщики гранатами взрывают заряды на мосту и гибнут.

Так и тут: в конце рассказа все семь комсомольцев гибнут. Жалко нам их? Вот Роман Роговский мы пожалели, а здесь семпер — не удалось. Почему? Да только потому, что погибли не люди, а замурованные схемы.

Рассказ А. Саватеева «Девочка» начинается со славного-сентиментального описания любви девочки к корове «Зорька». Читатель уже знает, чем это кончится. И в самом деле: на второй уже странице появляется (сошедший с плаката) немецкий офицер, который «хищно, как коршун, оглаживал бесцветными, водянистыми глазами» пупке дома. Но нет, не от него погибнет «Зорька». Корова уже пригласилась «сустому эфрейтору», и тот реиает:

«— Это хороший порода, даст на мой фронте хороший молоко! Матка, неси ей сено...» Всем известно, что последние немецкие солдаты, если временами не были ограничены количеством, то всегда ограничивались весом. И вдум — живая корова! Это по силам было только полковнику или генералу. Да и они предпочли бы послать лодой более портативные (правда, и более ценные) подарки.

Но награда эфрейтора таким бездумным желанием, автор тут же забывает о нем. «Зорьку» застрелил немецкий часовой, девочка плачет, а эфрейтор, который уже считал корову своей, о которой он уже начал заботиться, на это никак не реагирует! У автора сейчас другая забота: поскорее убить девочку. И часовой это делает.

В рассказе «Илья Гушина» же автора — надуманная ситуация и немалое количество штампов. Оценку посылает сыну на фронт среди других подпольщиков пять патронов, оставшихся у отца — еще от истребительного батальона, и эти пять патронов спасают сына от немцев. В рассказе не редки такие примелькавшиеся выражения: «стальные узловые руки шпалера», «святой храня в памяти наказ отца», «зламывала немецкую оборону, изгоняя врага с родной земли» и т. д.

Гр. Ручинина, видимо, твердо знает жанровые признаки рассказа, его композицию. С этой точки зрения его «Илья Гушина» производит впечатление стройного произведения.

Артистка Гушина, попав в ополчение, не может научиться бросать гранату. Театральный монтер ее учит, а старая ладикануться надо. Потом пробраться четыре шага. Потом бросать широко через голову, прямо в скопление врагов. Но артистке это плохо удается. Не удается, пока нет немцев. Но в немцев Гушина бросает гранату удачно. И тот же монтер в последние строки рассказа спрашивает ее: «Так, значит, выучилась. Инна Сергеевна? Сперва размахнуться надо, потом пробраться...» — и он повторяет свое, теперь выполненное о, наступление.

Но какая чепуха напоминает стройный чередом рассказ! Какие то подземные ходы, ведущие не леса, от партизан в... театр. Торжественный спектакль для немцакого генерала, в котором участвуют: «Гушина с мужем, болезненная, давно бросившая сцену комическая старуха да хромой жонглер» (не богато! Да еще да торжества!!!), гранаты, сделанные в виде цветных мячей, которыми добрый чак играет на сцене балетная пара — Гушина и ее муж — и которые по шучьему календарю взрываются в ложе немецкого генерала!...

Если еще прибавить сюда стить автора: «стальные, мутными глазами смотрят дашнцы», «похотливый мутный глаз немецкого капитана», «лошадный, с истинной улобкой на тонких губах, салмаст» и т. д. и т. п., — то станет ясно, что перед нами фальшивое, бездарное творение.

О чем же говорят рассмотренные нами военные рассказы? Да только о том, что военная тема это не какая-то особая, обделенная тема. Она требует того же искусства, как и все другие. И читатель, как всегда, охотно примет все живое, новое, своеобразное и открытое все бездумные, серые, хотя и раскрашенные схемы, где нет и не может найтись места духовной жизни героя.

Ф. ЛЕВИН БЕЗ СКИДОК

«Литературный Воронеж» № 1 за 1946 г.

Первый номер воронежского альманаха за текущий год выгодно отличается от многих других областных альманахов тем, что в нем много разнообразия: кроме прозы, нескольких рассказов, стихов и двух поэм, в номер помещены очерк, две статьи и две биографические рецензии. Во-вторых, все вошедшее в номер произведения — законченные вещи; нет столь раздражающих в других подобных изданиях «глаз из романа», отрывков без начала и конца или белых газетных зарисовок, выдаваемых за рассказы и очерки.

Однако таких сравнительных преимуществ, разумеется, недостаточно для оценки альманаха тем более, что областные издания у нас пока в большинстве слабы, и сказать, что «Литературный Воронеж» лучше других, еще очень немного означает.

Поговорим по существу содержания номера.

Из прозы обращает на себя внимание рассказ Юрия Гончарова «Возвращение». Автор избрал предметом рассказа переживания человека, вернувшегося по окончании войны к мирной работе. Иван Ильич до войны был заведующим мельничным комбинатом в небольшом районном центре, на фронте он стал командиром роты. Юрий Гончаров правдиво, но шаблонно изображает ощущения своего героя, состояние и мысли фронтовика, оказавшегося дома после долгого перерыва, после напряженной и богатой впечатлениями военной жизни. Он находит не только, но характерные штрихи и для других персонажей рассказа.

Иван Ильич направляет на работу председателя промысловой артели «Труд». В артели всего сорок пять человек; вырабатывает она шетки, скрепки, топорища и тому подобный товар, и всю ее месячную продукцию можно увезти на трех телегах. Вначале Иван Ильич чувствует себя неважно, ему жалется обидным и несправедливым, что дело, порученное ему, такое маленькое по сравнению с тем, что он делал на войне.

У него нет вкуса к порученному делу, и

работа артели пошла бы совсем плохо, если бы не заведующий промысловым Редькин. Скажем в скобках, что фигура этого человека, влюбленного в свою работу, прозаическую артель, удалась автору.

Но пример Редькина не заражает Ивана Ильича. При первом же препятствии — артели не дали по наряду телегу — он приходит в раздражение, является в горюхот и отказывается от председательства в артели.

Человек, посланный его туда, укоризненно говорит Ивану Ильичу: «— Вот вы, товарищ демобилизованный, все хотите повысить, а должно дело до сущности — и ни туда и ни сюда, как говорится. Вы в артели еще и полмесяца не пробыли, а уже заявляет: не могу, не хочу. Ведь вы же военный человек, и не мне вам объяснять, что надо иногда делать через не могу и через не хочу!»

И Ивану Ильичу становится стыдно. «Он шел по улице и размышлял, что в армии он круто обогател бы со взводным командиром, которому было бы все равно, что делается у него во взводе. А чем он отличился теперь от такого нерадного взводного?»

И он берется за работу, сперва — по долгу. Но постепенно он овладевает интерес к делу, он начинает ревниво относиться к успехам артели, в нем пробуждается «привычный фронтовой азарт».

Проходит еще две недели, и Ивану Ильичу дают, как демобилизованному, путевку в санаторий. Он едет туда охотно, рассчитывая, что «хотя бы на короткое время вернется к романтике кочевой солдатской жизни, — предостаточно путешествия застопило от него очередные дела».

«Отрава» кочевой жизни, смена впечатлений еще сильна в Иване Ильиче, переход к мирной трудовой жизни дается ему не вдару.

Но именно в санатории и происходит окончательный перелом. Получив от Редькина письмо о том, что артель расширяется, что ей дают динамо и движок, нужно установить, но нет механика, Иван Ильич вдруг ощущает, что ему уже стали дороги и артель, и ее дела, и восторженный Редькин.

Юрий Гончаров — нам неизвестно, кто он, давно ли пишущий, — обрадовал нас тем, что берется за сегодняшнюю, самую те-

му, что он знает людей, о которых пишет, и умеет обрисовать их правдиво, что он обнаруживает способности бытописателя, наблюдательности, внимание к психологическим подробностям. Все это весьма приятно отмечать, хотя автор пишет еще робко, связано.

Робость и связанность проявились в оценке темы, в недостатке воздуха в рассказе. Чувства и переживания Ивана Ильича можно было дать шире и глубже. Его отношения с женой и матерью, в семье показаны бедно, хотя и верно намечены, вехи жизни мирной жизни, сужень, фронтовые воспоминания лишь обозначены. Все верно, но недостаточно, скупо раскрыто. Мы больше наблюдаем Ивана Ильича, чем входим в его душевный мир.

Другие прозаические произведения в «Литературном Воронеже» значительно слабее. Повесть М. Сергеева «Добья» из времен гражданской войны на Украине — эпизод борьбы богучев под командованием Шорца против немцев и гайдамаков — написана чисто, без интересных деталей. Но вещь не оригинальна, напоминает уже читанное и притом не однажды.

М. Сергеева изображает традиционную любовную пару: рабочего Павла Добью и дичинку Марусю, помогающую ему убежать из-под ареста. Добья уходит к Шорцу, позднее там оказывается и Маруся. Оба эти героя — бледные тени катаевских Семея Котко и его подруги, толстовских Ивана Горы и Агриппины, но именно бледные тени, даже не копии. М. Сергеева рисует Шорца, и тут он совсем скуп, осторожен и хотя не грешит против фактов, но не создает портрета, образа, дает внешние приметы, но не линии характера.

Есть в повести любительная и не шаблонная фигура маэстера Пантерного, но он лишь мелькает: чего хочет, ради каких целей хитрит?

Рассказ М. Бузона «Джамик» — белая зарисовочный эпизод фронтовой жизни: подлин грузина Джамик, который спас рассказчика, вытаскивая его, тяжело раненого, но сам погиб, когда вторично попал на то же место за своей винтовкой. Рассказ совсем не оригинальный. К тому же, вместо того, чтобы прямо нарисовать своего героя, автор прибегает к длинному вступлению на двух с половиной страницах, которое вовсе несущественно для рассказа о Джамике.

В номере есть еще рассказ Ал. Шубина «Богатырь» Матвея Галкина. Его также нельзя назвать удавшимся. Матвей Галкин — чудачковатый фантазер, мечтающий

о богатстве. Он уверяет, что у него есть «денежный талант», хотя он нищ и живет, как птица бегом. Дети любят его сказки и рассказы о кладах, о разбойниках. Этот дустопорочный мечтатель оказывается действительно владельцем изрядного богатства. Ему пришлось заняться пчеловодством, и местность оказалась так богата медом,

Борьба за человека

Пьеса А. Сурова
«Далеко от Сталинграда»
в театре им. М. Н. Ермоловой

Повесть о легендарном корабле

Секретарь директора завода, молодая девушка Зоя, в минуту внезапно вспыхнувшей откровенности рассказывает парторгу Орлову свою историю. Ее грубо обманул человек, которому она верила, своим низким поступком он убил в ней веру в людей, в добро, и, безразличная ко всему, она как-то исполняет свои обязанности, ничем не интересуется, живет легкой жизнью...

Какие отношения имеет этот эпизод, занимающий целую картину в пьесе А. Сурова «Далеко от Сталинграда», к ее основному содержанию — борьбе за план, за внедрение поточного производства на эвакуированном заводе, за торжество научной творческой мысли над консерватизмом и самоуспокоенностью? Не является ли он лишь чисто внешней полнотой оживить «сырую» производственную тему пьесы?

Действительно, если в пьесе Сурова видеть только расказ о борьбе парторга военного завода Орлова и инженера Березина за реконструкцию производства, вся история Зои может показаться внешней, необязательной. Но для того, кто за этим внешним движением пьесы сумеет различить ее внутреннее движение, увидит, что борьба здесь идет не только за план, за поток, но и за человека, за страстное, творческое отношение к жизни и к труду, за гражданскую доблесть и смелость, против равнодушия и безразличия, какими бы причинами они ни вызывались, потому станет ясно, что Зоя — это Орлов — карьерист и эгоист Орлова в этой драме, — отнюдь не случайны в пьесе Сурова. И если уж упрекать автора, то лишь за то, что в сюжете пьесы линия Зои недостаточно разработана: нам неясно, чем подготовлена и вызвана ее внезапная исповедь постороннему человеку, нам хотелось бы знать, как приходит она к пониманию правоты Орлова. Впрочем, искреннее исполнение умной и тонкой актрисы О. Николаевой в значительной мере снимает этот упрек: ее Зою понимаешь, ей веришь.

Подлинным Красавицу и трусу Толкунову, растерявшемуся в трудной обстановке военных дней, Анохина автор противопоставляет людей, для которых только страстное, активное отношение к жизни, к своему делу, к поступкам окружающих, только горячая заинтересованность во всем, совершающемся вокруг них, — единственная возможная форма проявления их личности.

У одних это выступает в столь характерную для нашего времени стремление людей к новому. Таков старый рабочий-изобретатель Михеев (актер А. Васильев), выдержавший серьезные бои со своей «суматошной» старухой, оберегающей его покой. Таков несправильный оптимист инженер Березин, в котором романтическая мечтательность прекрасно сочетается с трезвостью научной мысли, а некоторая чудачковость и растерянность не мешает великолепно отбросить своего противника в споре. Искренне, глубоко человечески исполняет эту роль Ю. Черноволков.

У других это действительно, страстное отношение к жизни выступает в форме постоянного живущего в них чувства неудовлетворенности, стремления к лучшему, активной принципиальности, в критическом отношении к своим поступкам, к поведению других людей. Такова молодая журналистка Волгина, которую ничто и ничто не может заставить нагнуть не то, что она думает, и молчать о недостатках в работе газеты. Артистка Э. Кириллова создает привлекательный образ искренней, честной, рьяно экзальтированной девушки, во многом оживленная не слишком благодарный для исполнителя авторский текст. Таков и центральный герой пьесы парторг Орлов, человек чистой души, ясных стремлений и той глубокой, большевистской страсти, которая дает ему силу и уверенность в борьбе.

И единственная борьба, которую он будет вести настойчиво и упорно, — это борьба за свое теплое место, потягивать которое он так боится. И в этой борьбе он может прибегнуть уже не только к «дождевым», но и к недобрым средствам. Здесь же — конец распада и продолжения борьбы за свое теплое место, потягивать которое он так боится. И в этой борьбе он может прибегнуть уже не только к «дождевым», но и к недобрым средствам.

Военная обстановка, в условиях которой происходит здесь события, позволила автору с особенной остротой выявить разное отношение людей к жизни, к работе, к различным понятиям гражданского и партийного долга.

Талантливый коллектив театра им. М. Н. Ермоловой правильно оценил достоинства пьесы молодого драматурга и создал яркий, умный спектакль. Все сильные стороны пьесы в результате удумливой работы постановщиков А. Лобанова и В. Комиссаржевского в спектакле раскрылись особенно ярко. За незначительным исключением исполнителем мастерство в этом спектакле безупречно, причем встречаются местами и некоторые отступления от замысла автора, быть может, кое в чем и спорные, но безусловно интересные и по своему оправданные.

Мы уже упоминали о прекрасной игре О. Николаевой, Л. Галицы, Ю. Черноволкова. С большой тщательностью разработаны и внешний рисунок роли, и тонкие психологические детали, обогащение образа. Удивительно играет трудную роль Орлова Ф. Корчагин. Талантливый артист вносит в этот образ много душевной мягкости и теплоты, передает обаяние молодости и силы. Интересными психологическими черточками и внешне выразительными штрихами дополнены в спектакле образы старухи изобретателя Михеева (А. Васильев), его добродушной сестрицы жены Кузминичны (Е. Мессерер), председателя Горисполкома Анохина (Н. Филиппов), редактора Толкунова (Б. Аврашов).

Значительно более сложной фигурой в спектакле, чем в пьесе, предстает Осередько, но в остром, умном и сочном исполнении И. Соловьева. Осередько переживает драму и это отражается на его отношении к работе, на его отношении к окружающим. Сначала это угрюмый, медлительный человек может показаться высокомерным, черствым, действительно самодовольным и самолюбивым, неприязненно относящимся к людям. И лишь по мере развития действия понимаешь, что это не злобный интриган, а озабоченный страданиями, что не хочет владеть над собой, Осередько дал волю тому «бесу» управления, грубости, своеволлия, которого раньше умел он обуздывать.

В Купавине автор стремился оттенить прежде всего чуткость и внимательность к людям, внутреннюю собранность, целеустремленность. Артист С. Гуданский, играющий Купавина, вносит в этот образ еще одну характерную черту. Внезапный пауза, минутная задумчивость, застывание на мгновение жестом актер дает почувствовать, как сильно устают этот человек как нелегко ему ежесекундно ощущать огромную ответственность, по как ему велика усталость, как ни трудно ему приходится порой, он не сломится, выстоит, исполнит свой долг до конца. Это очень верная черта. Кстати сказать, именно этой чертой недостает исполнителю роли Орлова, хотя авторский текст ясно указывает на нее.

Пьеса Сурова не лишена недостатков. Отдельные образы ее недолаботаны автором, композиция ее не всегда стройна. Но недостатки эти искупаются искренностью и страстной заинтересованностью автора в судьбах героев, правдивостью изображения жизни. Есть отдельные неудачи и в спектакле, но на фоне того большого и ценного, что дает он зрителю, честные промахи актеров и режиссуры (вроде карикатурной идиотизации по которой читает свою речь Толкунов) кажутся несущественными.

Приятно поздравить Театр имени Ермоловой с новой творческой удачей, а нашу драматургию с пьесой правдивой, честной, по-большевистски говорливой о том, что близко и дорого каждому из нас.

Повесть А. Сергеева раскрывает перед нами главную страницу истории нашего Военно-Морского Флота, связанную с именем крейсера «Варяг». Автор подробно говорит о событиях, предшествующих русско-японской войне, о шпионско-провокационной деятельности японских империалистов, об их захватнических планах. В книге действие зачастую переходит к борту «Варяга» на берег, в корейский порт-город Чемульпо, с обитателями которого и их ботом знакомит нас автор. Но в конце концов основными героями повести остаются крейсер «Варяг» и его экипаж — от командира до рядового матроса.

Кувалинским пунктом книги является описание боя канонерской лодки «Корейск» с японской эскадрой, прерванной русским кораблем выход в открытое море. Казалось бы, положение русских безнадёжно, слишком значителен перевес сил у противника. Японцы полагают, что русским остается только сдаться, но вот именно в эту минуту и сказались нравственные силы русского моряка, его отвага и мужество. Даже сама мысль о том, что не сплунуть перед противником свой флаг, не приходить к голоду и жажде, моркам. Так полнокровно в бою участвует «Варяг» и «Корейск» не только не сдается, но нанесил тяжелое поражение врагу.

Автор сумел по отдельным чертам, по штрихам восстановить картину этого неравного, легендарного боя; раннее отказываются идти в лезвет, настало же они захвачены аэризом боя. Сквозь дым и пламя, облившая кровью, не замечая ни боли, ни ран, посылают русские моряки один сигнал за другим, и только смерть может вырвать их из являющегося страдания.

В этой широкой и удивительной картине, передающей все его этапы и подвиги его участников, — оправдание книге. Эта картина по-настоящему захватывает читателя, в ней раскрывается славная страница истории русского флота... Но надо сказать, что не всегда автор обнаруживает способность задавать цельную и впечатляющую картину, и его книга более родственна жанру исторической хроники, хотя автор назвал ее романом.

На страницах этого повествования персонажи не живут сложной внутренней жизнью, а являются большей частью декоративными фигурами.

А. Сергеев, «Варяг», М. Советский писатель, 1944. 340 стр. 35 000 экз. Цена 11 р. д.

Повесть А. Сергеева раскрывает перед нами главную страницу истории нашего Военно-Морского Флота, связанную с именем крейсера «Варяг». Автор подробно говорит о событиях, предшествующих русско-японской войне, о шпионско-провокационной деятельности японских империалистов, об их захватнических планах. В книге действие зачастую переходит к борту «Варяга» на берег, в корейский порт-город Чемульпо, с обитателями которого и их ботом знакомит нас автор. Но в конце концов основными героями повести остаются крейсер «Варяг» и его экипаж — от командира до рядового матроса.

Кувалинским пунктом книги является описание боя канонерской лодки «Корейск» с японской эскадрой, прерванной русским кораблем выход в открытое море. Казалось бы, положение русских безнадёжно, слишком значителен перевес сил у противника. Японцы полагают, что русским остается только сдаться, но вот именно в эту минуту и сказались нравственные силы русского моряка, его отвага и мужество. Даже сама мысль о том, что не сплунуть перед противником свой флаг, не приходить к голоду и жажде, моркам. Так полнокровно в бою участвует «Варяг» и «Корейск» не только не сдается, но нанесил тяжелое поражение врагу.

Автор сумел по отдельным чертам, по штрихам восстановить картину этого неравного, легендарного боя; раннее отказываются идти в лезвет, настало же они захвачены аэризом боя. Сквозь дым и пламя, облившая кровью, не замечая ни боли, ни ран, посылают русские моряки один сигнал за другим, и только смерть может вырвать их из являющегося страдания.

В этой широкой и удивительной картине, передающей все его этапы и подвиги его участников, — оправдание книге. Эта картина по-настоящему захватывает читателя, в ней раскрывается славная страница истории русского флота... Но надо сказать, что не всегда автор обнаруживает способность задавать цельную и впечатляющую картину, и его книга более родственна жанру исторической хроники, хотя автор назвал ее романом.

На страницах этого повествования персонажи не живут сложной внутренней жизнью, а являются большей частью декоративными фигурами.

А. Сергеев, «Варяг», М. Советский писатель, 1944. 340 стр. 35 000 экз. Цена 11 р. д.

Рассказ о морском джигите

История морских сражений еще не знала таких примеров. Подводная лодка, проваля охранение, потопила метким торпедным залпом крупный транспорт противника. Когда корабли охраны набросились на нее, она выплыла на поверхность и в артиллерийском бою рассеяла и частично уничтожила их.

Этой лодкой командовал капитан второго ранга Гаджиев. Его экипаж за короткий срок потопил в Баренцевом море 27 вражеских транспортов и боевых кораблей, из них десять транспортов и корабли были уничтожены при личном участии Гаджиева. Он погиб, сражаясь с фашистами, в мае 1942 г.

Рассказом о жизни и подвигах Магомеда Гаджиева — благодарная задача. Лежит на нем М. Зингер. Гаджиев — командир, но лишь в совершенстве. Его талант и сейчас: и в Дагестане, где прошли детство и юность будущего Героя Советского Союза, и в Ленинграде, и на флоте — Черноморском, Тихоокеанском, Северном, где он учился, служил, воевал. Повесть сложилась о нем песни. Имя Гаджиева присвоено воинским частям, заводам, пароходам, улицам городов. Его жизнь и подвиги стали в Дагестане легендой.

Эта исторически конкретная действительность дала автору богатый материал. Но в то же время фактически и документально «привязывали к себе» М. Зингер не боялся трудностей, много работал, и в результате вышло много страниц.

М. Зингер «Магомед Гаджиев», М.-Л. Военно-морское издательство НК ВМФ Союза ССР, 122 стр. Цена 2 р. 80 коп.

Рукописи-автографы В. Маяковского

Музей Владимира Маяковского в Москве приобрел недавно несколько рукописей-автографов статей В. Маяковского, написанных им в 1927 г. для журнала «Новый Лейф»: «В записную книжку «Лейфа», «Только не вспоминаю» (статья для номера «Нового Лейфа», посвященного десятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции), «Корректура читателей и слушателей» (об откликах читателей и слушателей на стихотворение В. Маяковского «Нашему юношеству»), «Вас не понимают рабочие и крестьяне» и др.

А. КОТОВ Книга о В. Г. Короленко

О Короленко писали много и охотно. Легко насчитать десятки книг и громадное количество статей, посвященных Короленко. И при этом нельзя указать хотя бы на одну сколько-нибудь удовлетворительную биографию. Этот пробел может быть заполнен биографией В. Г. Короленко, которую советский читатель был лишен возможности узнать одну из значительных писательских биографий, полную громадного героического содержания.

Книга А. Дермана, лично знавшего Пастера, вышедшая в Дегизе, является первой попыткой дать полную популярно написанную биографию В. Г. Короленко. Написана она с хорошим знанием материала и с добрым чувством личного расположения к Короленко, как писателю и человеку. Конечно, она будет хорошо встречена школьником, которому прямо адресована эта биография, и изданием в Дегизе, и взрослым читателем.

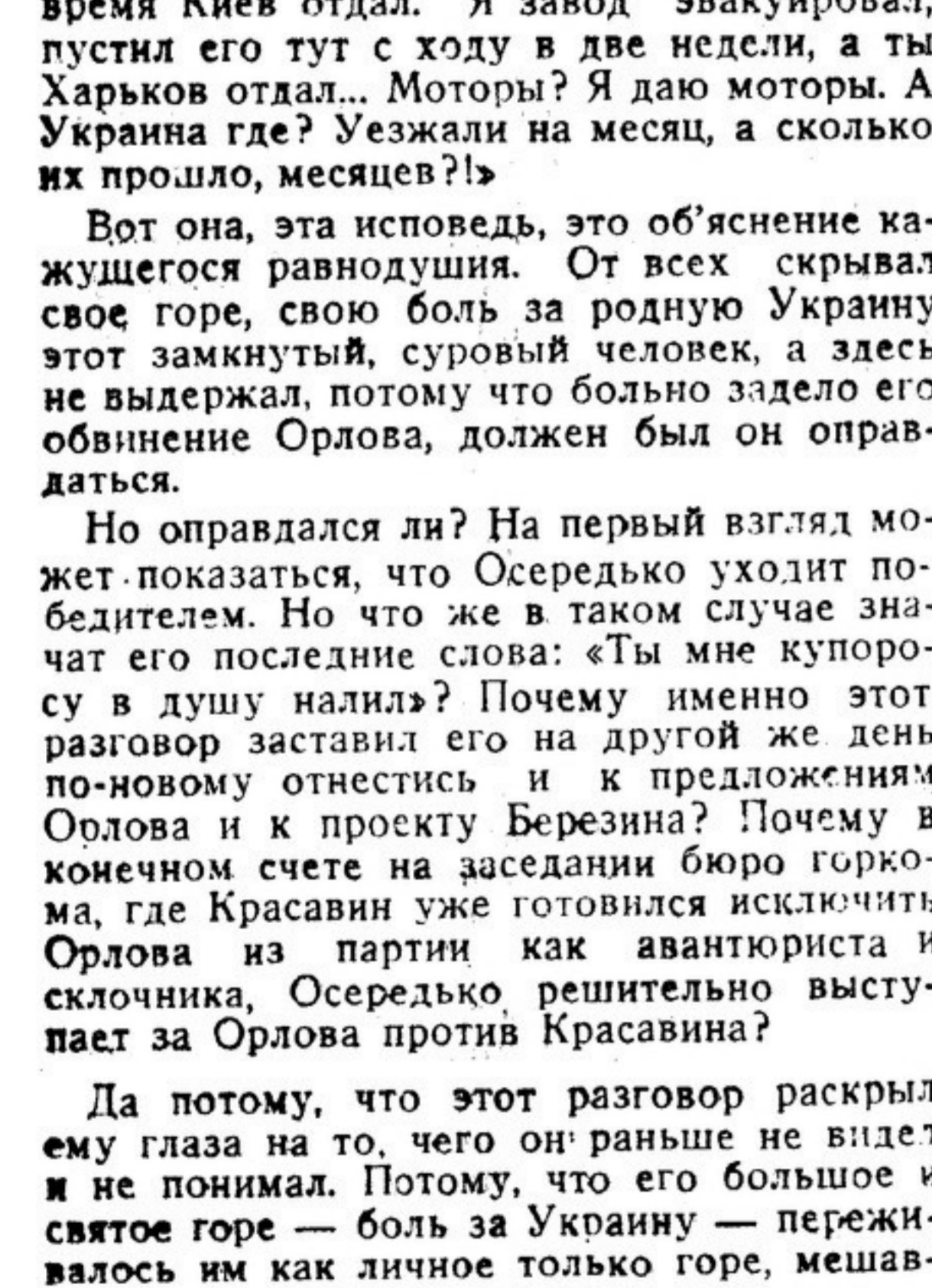
Автору новой биографии удалось правильно раскрыть образ Короленко, основные черты его творчества, обрисовать его время. Но А. Дерману не удалось избежать опасного для биографа Короленко соблазна повторить «Историю моего современника». Слишком очевидна автобиографичность канва этой повести, чтобы литературоведу, пишущему о Короленко, заставить себя смотреть на «Историю моего современника» как на художественное произведение, а не как на исчерпывающий биографический источник.

В книге А. Дермана это проявилось не только в чрезмерном цитировании и пересказе «Истории моего современника», но и в недостоверности фактического порядка. Например, учитель математики ровенской гимназии, в которой учился Короленко, — Цысь, в книге Дермана называется Тысь, то-есть так, как называл его в своей повести Короленко, пользуясь правом художественной зашифровки. Разумеется, это мелочь, досадная и необязательная, но в первой части своей книги автор биографа Короленко мало использовал документы, лежащие в основе «Истории моего современника», которые могли бы значительно оживить и дополнить биографию писателя. Это относится прежде всего ко времени пребывания Короленко в Петровской сельскохозяйственной академии, первой ссылке Короленко и пребыванию его в Сибири.

Рассказывая о шестидесятилетнем юбилее Короленко в 1913 году, А. Дерман приводит интересное приветственное письмо К. А. Тимирязева — ученика Короленко в Петровской академии. К сожалению, автор не отметил другой важнейший документ, появившийся к шестидесятилетию Короленко: это большая статья, написанная в дореволюционной «Правде» под названием «Писатель-гражданин».

Указанные недостатки и несколько мелких редакционных недосмотров не мешают высоко оценить книгу А. Дермана, достаточно полно осветившую жизненный путь В. Г. Короленко.

А. Дерман, «Жизнь В. Г. Короленко», Дегиза, 1944. 144 стр. 45 000 экз. Цена 4 р.

Повесть Л. Лагина «Блонесец Аюта» выходит в Детгизе с рисунками С. Бойма (слева) и в Воентгизе с рисунками Б. Пророкова (справа).

В. АЛЕКСАНДРОВ „ДОМ У ДОРОГИ“

Коса, коса, пока роса, Рожу долой — и мы домой... В воскресный день человек косил траву под окнами своего дома — и недолго еще ушел воевать. Война; беженцы, дети у колодца, в котором нехватает воды; фронт приближается; семья солдата в тревожном приходе; дом; захваченная деревня; колодезь русских пленных под немецким коновом.

И пусть полетит сырой туман

И пусть полетит сырой туман И ветер дует в щели. Я бую жидель, ветвь и так мал, И летоско, летоско... Я слышу криком, ни встать, ни сесть. Еще не в склад, псалник. И не дежал раскрытый весь И на твоем колодезь. Я на поны не дингал стул. Шагал велел неслухом. Не из чего-нибудь, так — В свидетели печали. Стоит над ней опираться. На грабли, на топоры... И мальчик живет. Чья-то добрая рука прихват в постель матери камень, нагретый в золе, греет воду в жестянке; умирающий старик зашевелит ему свою толстую руку. Анна с детьми — на немецком кураторе. Крутом — все чудное. Ребенок читает, ходит, старшая сестра находит ему одуванчик. Четвертое лето войны. И пятое лето. От стен Берлина Андрей возвращается в свое село. Грета глины, кирпича, искаленные ядом. Пришел на камушек солдат У бывшего порога. Бельюю и пыльююю в ряд. Свою утробу ногу. Давал солдат курить табак. Сидел, сидел, сидел, так — В свидетели печали. Стоит над ней опираться. На грабли, на топоры... Где семья Андрея — неизвестно. Но если жить — жить и детей, надо строить дом. Дом построен, все готово для встречи. Тоскуя, Андрей уходит в дуга — забиться на людей. И кошу вытерши травой. На оставшее краткой. Он точно голод слушая свой. Когда зиме, когда лето. И голод тот как будто влады. Вывался с токой и страшно. И все с собой его печаль. И боль, и веру в счастье. Коса, коса, пока роса. Рожу долой — и мы домой... Так кончается новое произведение А. Александрова — лирическая хроника «Дом у дороги». Как и «Воспален Теркин», эта книга из тех, с которыми встречается для того, чтобы больше не расставаться. «Дом у дороги» — книга неординарной женской прозы, такой неотразимой жизненной полноты, такой искренней, такой действительной, автор так сблизил нас с действующими лицами, будто перед нами не образы людей, а сами люди, будто

В. АЛЕКСАНДРОВ „ДОМ У ДОРОГИ“

мы в совершенно прямом, буквальном смысле становимся свидетелями и участниками судьбы Андрея и Анны Сивовых. Три дара, из которых складывается истинное поэтическое дарование: дар сочувствия, дар понимания, дар выражения. Поэзия начинается с сочувствия; но оно не должно оставаться слепым, только эмоциональным, неосмысленным и невыраженным; оно требует понимания и выражения — и находит их. Другого пути не существует: понимание, если оно будет холодным и равнодушным, перестает быть пониманием; выразительность, если нет за ней чувства и мысли, превращается в словесную игру. В искусстве Твардовского три этих дара так сливаются, так органически переходят друг в друга, что нельзя подыскивать какие-то особые, так называемые, примеры; это — хорошая мысль, а вот тут — хорошее выражение. В этих стихах человечность и выразительность нераздельны. Основа этого искусства, конечно, народность; не как отвлеченное понятие: нужно вновь и вновь, не домослом литератур, а опытом личного общения проникать в то, чем живут люди твоей страны, твои современники. Так поэт становится голосом этих людей. Характернейшая особенность лиризма Твардовского, которую приходится уже отмечать, в том, что Твардовский говорит и «за себя» и «за других»; он рождается с «другими», входит в их жизнь, как в свою собственную. Оста «лирика другого человека», других людей, других вещей, в «Стране Муравья», и в «Теркине», и в «Доме у дороги». Стремление «говорить за других» воспринимается как властная, неотступная сила, особенно там, где эти другие сами сказать о себе не могут: ребенок Анны Сивовой в «лирической хронике»; погибший боец в замечательном стихотворении «Я убит под Ржевом».

В. АЛЕКСАНДРОВ „ДОМ У ДОРОГИ“

И паузы, перерывы в повествовании имеют свой музыкальный смысл. Отсюда можно было бы перейти к стику «Дом у дороги» и к стику Твардовского вообще. Четырехстопные и трехстопные хорей («Теркин») и ямбы («лирической хронике») не приводят к однообразию, потому что внутри этих размеров Твардовский разрабатывает большое интонационное богатство (повышение и понижение голоса с этой стороны поэтической формы у нас уделяют мало внимания). Но попутно пришлось бы затронуть многие вопросы общего порядка, на которых мы здесь останавливаться не можем. В каждом «голосе» раскрывается характер действующего лица. Каждое лицо живет своей самостоятельной, напряженной, сосредоточенной жизнью. Есть литературные произведения, персонажи которых существуют не сами по себе, а только для того, чтобы поразили или растрогали аудиторию. Мы заранее знаем, чего они от нас добиваются, и отказываемся принимать их всерьез. Действующее лицо «Дом у дороги» живут не на показ, они не оглядываются на читателя, и мы верим каждому их душевному движению. Недостатком было бы обозначить какими-то общими словами те ценности, носителями которых является советский человек. Писателю нужны сами люди — реальные, подлинные, а не условно-символические фигуры. Писатель должен найти те человеческие отношения, в которых эти ценности выступили бы наглядно и осязательно, превращались в плоть и кровь, чтобы наше восприятие, наше ощущение этих ценностей было таким же личным и кровным, как чувства этих людей друг к другу. «Я снежидя для твоею кожей чую». Так выразил эти ценности Твардовский. Мир должен быть устроен так, чтобы в нем могли жить дети. Мы должны всеми нашими силами охранять и укреплять тот созданный нами новый мир, в котором живут наши дети. Это — наша ответственность, это — наше время, это — главное в нашем времени. Впечатление немого настолько сильно, что не сразу замечаешь значительность отдельных черт: язык, около которого ребенок учится ходить; согретый камень. Горючат: вместо хлеба камень. А здесь и камень согревается, очеловечивается,

В. АЛЕКСАНДРОВ „ДОМ У ДОРОГИ“

становится образом добра. Если человек в страшной, нечеловеческой неволе ничего не оставил, кроме камня и пустой жестянки из под консервов, но и для этих предметов найдет человеческое приращение. Есть вопросы, которые не должны были возникнуть и которые вряд ли возникнут у тех, кто читает «Дом у дороги». Все-таки, может быть, нужно поставить один такой вопрос — для того, чтобы еще раз убедиться в правоте писателя. Не должны ли встретиться Андрей и Анна, не слишком ли грустно кончается поэма? Нет. И в главе о ребенке, и в последней главе утверждается жизнь, торжествующая над всеми разлуками и потерями, торжествующая над ними именно так, как это происходит в самой действительности. Предположим, что Андрей и Анна встретились бы друг с другом. Больше нам не надо о них тревожиться. Мы вправе были бы успокоиться на благополучном конце, отложив прочтание и забыть. А забывать нельзя. Пропла, война, прошла, страсть, Не смейте забывать: Давайте, люди, никогда Об этом не забудем... Пускай во всем, чем жизнь полна, Во всем, что сердцу мило, Нам будет памятка даяв О том, что в мире было. Вспомните, что этого забыть Не смейте забывать: Вспомните, что нам обязаный быть, А счастье — не в забвении! Эти воспоминания — не самоцель. Они необходимы для работы и жизни. «Да будет больше боль». Подлинное принятие жизни, утверждение ее возможно только на этом трудном пути. Счастье, свободное от самодовольства и эгоизма, доступно только для тех, кто хранит эту боль, эту память. Это и память о потерях, которые нельзя забыть и которые не должны быть забыты, и напоминание о будущем — о наших обязанностях, о нашей ответственности перед детьми нашего народа и всего человечества. Только поэт нашей страны и нашего времени мог с такой силой выразить это чувство ответственности. «Мы с тобой за все в ответе» — как сказано в «Книге про бойца».

В. АЛЕКСАНДРОВ „ДОМ У ДОРОГИ“

Лирическая хроника «Дом у дороги» — одно из высочайших и благородных достижений нашей поэзии.

